

Владимир Башунов.
2000-е

Бабушка Елизавета,
много дела?
Ничего!
Разбуди меня до света,
«фатеранта» своего.

И какая есть забота,
не таясь, расскажи.
И какая есть работа,
не стесняясь, укажи.

Я протяпаю картошку,
чтоб не сохла на корню.
Три ступеньки до порожка,
как умею, почию.

А когда жара отхлынет
за далёкий окоём,
огурцы, арбузы, дыни
хорошенько мы польём.

Наведём тогда окрошку,
купим красного вина,
потихоньку,
понемножку
засидимся дотемна.

Расстегну я — тесно! — ворот,
распахну окно — и тут
повинюсь, что скоро в город
я уеду, в институт.

Перед самую дорожкой,
только это мой секрет,
подновлю я на окошках
ненаглядный синий цвет.

Чтоб от этого от цвету
в невысоконой избе,
бабушка Елизавета,
веселей жилось тебе.

ЯНВАРСКОЕ УТРО В ТУРОЧАКЕ

И мороз не пугает сорок —
так трещат белобоки,
что оставишь домашний порог
и пойдёшь по дороге;

на весёлый их треск в стороне,
возле самого леса,
не угадывая вполне
своего интереса;

не раскладывая себя,
не выискивая мотивы, —
просто белые светлы следя
и дымов голубые свивы.

Жизнь прошла, или, может, пройдёт?
А зима бесконечна:
синий дым и узорчатый лёд,
белый снег подвенечный.

Жизнь пройдёт, или, может, прошла?
Отчего же не больно?
Точно дырку в сугробе прожгла...
И оставь... И довольноно.

Подвигайся, ведь ты не один:
вон бегут россияне,
не затрагивая глубин
своего состоянья.

Вон старухи в окошках торчат,
ходят свивы и светлы,
беззаботно сороки строчат
по-над берегом Леты.

На двенадцати подводах едет зимняя ночь,
едет, ленно понукает, не торопится.
Будет времечко подумать, кто задуматься не прочь,
пока небо за окошком поворотится.

Поворачиваясь, небо, не шатаясь, не скрипя,
поворачивает время задом наперёд, —
точно жемчуг из пучины, ниткой памяти скрепя,
выбирает и выбрасывает на берег.

Любо-дорого забраться одному, без сторожей,
в закоулки прежней жизни, дальше отчества:
к Шевардинскому реду от крестьянских мятежей
и в Михайловские пуши одиночества.

Ничего там не поправить, ничего не подсказать,
никого не остеречь там, но сторонкою
незамеченным протопать вслед за войском под Казань,
неуслышанным наведаться к Саровскому.

Слава Богу, все там живы, все при деле и уме,
есть на что полюбоваться, где постранствовать,
пока едет непоследно ночь на горный свет, — во тьме
просиявший над российскими пространствами.

РАДОНИЦА

Опустишься в сон, как в глубокую воду,
и там, в глубине,
пройдёшь по любимому сердцем народу —
друзьям и родне.

По тем, с кем уже не увидишься въяве
ни нынче, ни впредь.
Ах, кто не мечтал не в болезни, а в славе
легко умереть.

Но что перед жизнью пустые мечтанья!
Как огненный смерч
приносит с собою испуг и страданье,
так ранняя смерть.

И я не хочу никакого загада —
не стоит гроша,
ведь муку чужого предсмертного взгляда
узнала душа.

И я не хочу, точно птица, попасться
в силки, как в беду.
И в день поминальный, девятый по Пасхе
я вновь к вам приду.

И вновь я услышу, как дышат могилы,
пресилив тиски,
остатком еще не растроченной силы,
любви и тоски.

И вновь я увижу, как светел и тонок
небесный оклад.
И женщина плачет. И прячет ребенок
взрослеющий взгляд.